

С ПЬЕДЕСТАЛА НА БУРОВУЮ

В декабре 2015 года Юрию Васильевичу Баранову исполнилось семьдесят лет. Послужной список Ю.В. Баранова впечатляет: Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию (1969 г.), судья Всесоюзной категории (1973г.), Председатель Секции и Федерации спортивного ориентирования Татарии (1976-1982 гг.). Первый из россиян победитель летних Всесоюзных соревнований по спортивному ориентированию (1972 г.), первый в стране победитель летних и зимних (1974 г.) Всесоюзных соревнований. Неоднократный победитель Всероссийских соревнований (1969-1976 гг.). Многократный чемпион Всесоюзного ДСО профсоюзов СССР (1972-1976 гг.), ЦС и РС ДСО «Буревестник» (1967-1977 гг.). Дважды победитель международных соревнований в составе сборной команды СССР (1971, 1974). Почетный член Федерации спортивного ориентирования Российской Федерации (2012 г.), Почетный член ДСО «Буревестник» (1976 г.). Награжден медалью ВЦСП «За большой вклад в профсоюзный спорт СССР» (1978 г.). Автор книги «Спортивное ориентирование в моих воспоминаниях и восприятии» (2013 г.). Автор ряда статей в журнале «Азимут». Закончил Казанский химико-технологический институт им. С.М. Кирова (1969 г.). Кандидат технических наук (1975 г.). Лауреат премии Миннефтепрома СССР в области науки и техники (1989 г.). «Заслуженный нефтяник Республики Татарстан» (2007г.). Один из разработчиков методов добычи нефтегазовой отрасли, дающих и сегодня достойную прибыль в бюджет государства.

Редакция журнала «Азимут» попросила Г.В. Шура, который знаком с Ю.В. Барановым пятьдесят лет, побеседовать с юбиляром.

Г.Ш. - Вот тебе уже и семьдесят. Прожита большая жизнь. На нее нанизаны и детство, и юность, и годы учебы, и семья, и работа и, конечно же, спорт – спортивное ориентирование. Есть что вспомнить: успехи, удачи и неудачи (а у кого их не бывает). Скажи, пожалуйста, ты наверняка эту дату встретил в кругу друзей-ориентировщиков?

Ю.Б. - Естественно. Жизнь – такое социальное явление, которое невозможно без общения с окружающим тебя миром, и в первую очередь с близкими и друзьями.

Я жизнь уподобляю дереву. Крона его – это жизнь. Растущие ветви – это мы. Когда дерево молодое, ветви расположены близко и при сильном ветре даже соприкасаются, как бы обнимаются. Это: детство и юность, когда твои братья, сестры и друзья-сверстники всегда рядом, всегда общаются с тобой то ли в детских играх, то ли в юношеских забавах. По мере роста ветви дерева мужают и начинают друг от друга удаляться. То есть, друзья, близкие начинают общаться с тобою реже: здесь и работа, и семья, и множество житейских забот, которые уже поглощают большую часть времени твоей повседневной жизни. И только сильный ветер понуждает ветви дерева приближаться друг к другу: то ли это неожиданно возникшие жизненные проблемы, которые сподручнее решать с помощью близких и друзей, то ли греющие душу события, которыми хочешь поделиться с ними. Вот и юбилей в нашем возрасте я рассматриваю как благостный порыв ветра для об-

щения и воспоминаний былого. Поэтому я собрал на свой юбилей своих учителей, соратников и моих учеников по ориентированию. Собрал именно в день своего рождения. А родных и близких я уже пригласил на несколько дней позже.

Г.Ш. - Да, своеобразная аллегория у тебя получилась. Я, когда жил в Самаре (тогда Куйбышев), очень тесно общался с татарстанскими ориентировщиками, все-таки соседи. Думаю, что у тебя на юбилейной встрече были мои закадычные друзья – А. Новиков, В. Крылов, А. Кашкаров, А. Мингазов и др.

Ю.Б. - Да, Лукич (Новиков) и Никандрьч (Крылов), конечно же, были. Саша Кашкарова не было. Ему трудновато до меня добираться. Им всем уже за восемьдесят. Но они выглядят далеко не «старичками», иногда выходят на старт ветеранов.

Анатолий Лукич – Заслуженный работник физической культуры и спорта Российской Федерации, судья Республиканской категории по ориентированию, профессор Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева (бывший авиационный институт). Владимир Никандрович Крылов – Заслуженный работник физической культуры и спорта Республики Татарстан, судья Республиканской категории по ориентированию и конькобежному спорту. Долгие годы работал зав. кафедрой в Казанском филиале Волгоградского института физической культуры. Уникальные личности в ориентировании и в жизни. А жизни пос-

ле спорта меня учили двое: Альберт Садреевич Мингазов – Почетный радист СССР, Заслуженный работник связи Республики Татарстан; руководитель радиосетями республики в семидесятых-восемидесятых годах, судья Республиканской категории, и Бронислав Болеславович Шимкунас. Бронис – мастер спорта СССР. Свою жизнь он посвятил физвоспитанию студентов!

У меня на юбилее из когорты ориентировщиков было восемнадцать гостей – самых близких и уважаемых. Один из них – мой учитель, которому я благодарен за то, что очутился в ориентировании и окупился в него с головой. Это Николай Николаевич Акмаев – профессор Казанского энергоуниверситета. Так вот Альберт и Бронис, имея уже богатый жизненный опыт, учили меня житейским премудростям.

Тогда я понял, что не боги горшки обжигают. Это было о тех, кто старше меня. Остальные были мои ученики. Все они мастера спорта, не обделены различными регалиями.

Г. Ш. - В твоей книге есть фотография, где я вручаю приз твоему ученику Рашиду Садыкову на первой многодневке в России «Куйбышев–Казань», в 1972 г. Я знал, что он работал тренером. Знал, что и Эдик Фаткуллин, недолго служивший у нас в с\к военного округа, тоже работает тренером в спортшколе КХТИ. Они уже тоже не молоды.

Ю.Б. - Начну с Рашида. У него случился инсульт. Четыре года тому назад я его встретил на соревнованиях: он имеет

хорошую двигательную активность, даже ездит с сыном на рыбалку.

Эдик Фаткуллин работал тренером до самой ликвидации спортшколы в конце восьмидесятых годов. А в тяжкие девяностые годы занялся предпринимательством. Сейчас у него очень солидный бизнес. Юбилей мы отметили в ресторане «For rest» («Для отдыха»), принадлежащем Эдику. Оформление зала очень напоминает лесные мотивы. Будете в Казани – обязательно сходите в этот ресторан.

Г.Ш. - А как сложилась жизнь после спорта у остальных?

Ю.Б. - Ответ занял бы много места. Я имею договоренность с редакцией журнала «Азимут» о публикации очерков под рубрикой «О друзьях-товарищах», надеюсь там всё и расскажу.

Г.Ш. - И всё же я тебя спрошу о твоём верном друге Антонине.

Ю.Б. - Моя супруга, Тоня, тоже мастер спорта СССР, проработала двадцать пять лет начальником патентного отдела нашего института. Вот уже пять лет на пенсии.

Г.Ш. - В разговоре ты часто упоминал братьев Никитиных. Я помню, на одном из соревнований «Памяти узников Бухенвальда» они выступали в эстафетах за команду колхоза «им. Ильича».

Ю.Б. - Геннадий Васильевич, у вас прекрасная память. Да, было такое. Помоему, в 1976 году. Приз соревнований (памятный вымпел из Германии) разыгрывали в эстафетах и, начиная с 1969 года, команда КХТИ каждый год неизменно

На финише отборочных в сборную Союза в 1975 г. в Кирове.

побеждала и навечно завоевала этот приз. В тот год решили выставить вторую команду, составленную целиком из односельчан, – третьим был Володя Иванов. Так родилась эта команда.

Г.Ш. - Еще о вашей команде. Вспоминаю одну забавную шутку-прибаутку: вот, команда Татарии – чемпион России, а в команде ни одного татарина. А кто же был в вашей команде?

Ю.Б. - Эта было «притчей во языцех» у многих. Она относится к Первым Всероссийским соревнованиям в Мордовии в 1969 г., где наша команда стала победительницей, в Челябинске, где мы были вторыми, уступив первенство свердловчанам. Притча правильна по отношению к взрослой части команды. Действительно, в ней были русские, чуваша, удмуртка и даже немка. Обе они молодые, симпатичные татарочки. Такой интернациональной команды как наша, действительно не было. Объяснение очень простое: Казань – большой студенческий город, куда приезжали учиться очень много молодых людей из близлежащих областей и республик.

Г.Ш. - Вот ты подробно рассказал о своих учениках. Но у меня к тебе вопрос. Ты – Лауреат премии Миннефтепрома СССР в области науки и техники. Кандидат технических наук. Ты, будучи лауреатом в области науки, не имеешь звания доктора наук. Как так получилось – скажи, пожалуйста.

Ю.Б. - Да, я не удостоен ученой степени доктора наук. А мог бы стать им. Еще в середине девяностых, после моего доклада на научно-технической конференции по проблемам нефтедобычи в Тюмени. Мне предложили оформить мои разработки в виде доклада и представить его на соискание докторской степени. Но не получилось, хотя у меня до сих пор лежат около пятидесяти страниц начатого доклада. В то время мы начали испытывать в Западной Сибири одну уникальную тех-

нологию, и я месяцами не вылезал с промыслов. А потом случился переворот в моем понимании ученых степеней. Почему? Да потому, что диссертации стали предметом торговли и плагиата. В точных науках это просто невозможно. А вот по экономике, политологии, юриспруденции и других гуманитарных науках это возможно. И посыпались доктора наук из среды губернаторов, градоначальников и менее мелких сошек власти. Вы знаете, что ученость – это глубокое знание предмета. Что далеко ходить, мы имеем пример – Борис Иванович Огородников, который стал Лауреатом Ленинской премии в двадцать восемь лет, не имея ученой степени кандидата наук! Но он был специалистом, ученым в своей научной сфере. А вот для липовых докторов и кандидатов приставки к их регалиям и есть побрякушки.

Г.Ш. - Ну, вот ты имеешь почетное звание «Заслуженный нефтяник республики Татарстан». Я помню, как ты в Куйбышеве (ныне Самара), в середине семидесятых годов, пришел в клуб туристов «Жигули». Мы с Галей Писановой были удивлены твоим внезапным появлением. А потом узнали, что ты приехал в институт «Гипровостокнефть» по своим диссертационным делам. Я ведь тоже сотрудничал с этим институтом, знал его директора – П.А. Палия. Несколько лет я работал зам. гл. маркшейдера в объединении «Куйбышевнефтегазразведка», где главным инженером был именно П.А. Палей. Тогда же я узнал, что ты работаешь в нефтяной сфере. А как ты попал туда, чем занимался, как заслужил это высокое звание?

Ю.Б. - Это было в начале декабря 1975 года. «Гипровостокнефть» – старейший научно-проектный институт страны, образованный еще в тридцатые годы. А в институт я приехал с докладом на Ученом совете.

В нефтяники я попал по стечению обстоятельств. По окончании института ме-

С чемпионской лентой с наградами. 1975 г.

С супругой на ветеранском чемпионате мира в Гетеборге в 2015 г.

ня оставили в аспирантуре. Проработал инженером в течение трех лет. И это был приличный задел к диссертационной работе. Как-то меня пригласили два крупных ученых нашей отрасли и предложили мне поработать над перспективной проблемой. Я с ними договорился, что через неделю приеду. Мне просто было некогда сразу же окунуться в это дело, так как я с командой на завтра уезжал в Рязань на отборочный старт в сборную Союза.

Работу мы всё же выполнили, а я настолько увлекся этой проблемой, что решил посвятить дальнейшую свою деятельность этой теме. Хочу пояснить – сейчас мы через скважину добываем продукцию, где в среднем по России в ней содержится 83% воды. Это и подстилающая нефть, пластовая вода и закачиваемая для поддержания давления вода.

Кстати, в нашумевшем деле Ходорковского имеется такой фрагмент, где его обвиняют в уклонении от налогов за то, что он утверждал, что через скважины добывается не нефть, а «жидкость». И, по его мнению, это должно было дать пре-

ференции в налогообложении. Однако фокусы Ходорковского не прошли.

Я же продолжал работать над диссертацией. Но вдруг я на два года стал Зав. кафедрой физвоспитания КХТИ! Ну, думаю, буду заниматься физической культурой и спортом. И тут произошел резкий перелом. В Казани, в 1979 г., открыли научно-производственное объединение «Союзнефтепромхим», во главе с главным институтом «ВНИИнефтепромхим». Ректор КХТИ отпустил меня, и я приступил к работе в должности заведующего сектором. А дальше была работа, работа и работа.

В середине восьмидесятых годов переключился на проблему повышения нефтеотдачи пластов. Поясню – сейчас мы извлекаем только сорок девять процентов нефти, имеющихся в недрах. Просто нефть очень прочно цепляется за обрамляемую ею породу. Вот вытащите из воды губку и отожмите из нее воду. При любом старании вы все сто процентов не отожмете. А ведь на глубине в тысячу - три тысячи метров вы породу не сожмете. Так что эта проблема на века.

Вот по этой проблеме мы разработали десятки технологий и химических составов и внедрили их на месторождениях Западной Сибири, Пермской и Томской областей, Башкирии и Удмуртии. И, конечно же, в Татарстане. От применения наших технологий в Татарстане добыто свыше семи миллионов тонн дополнительной нефти, около двадцати миллионов добыто на месторождениях Западной Сибири. Но я хочу остановиться на одной разработке. Она посвящена интенсификации добычи нефти. Мы эту технологию начали испытывать в девяностых. Есть нефтяные залежи, где много нефти, но мы ее не можем в полной мере добыть из-за структуры породы, т.е. ее ограниченной пропускной способности. Химию-то мы сделали, но долго ломали голову над второй задачей. И эту задачу мы решили с использованием так называемых глубинных эжекторных насосов. Мы приобрели эти насосы. И вот, я почти месяц нахожусь на промысле – жил в вагончике вахтовиков в 120 километрах от прекрасного Западно-Сибирского города Когалым. Слежу за каждым шагом работ по подготовке скважины, изучаю материалы геофизических исследований, по ним определяю место установки насоса, спускаем в скважину подземное оборудование, начинаем качать химию. Качаем почти двое суток. Потом сутки ждем химической реакции, а затем запустили насос и откачиваем уже отработанную химию, тоже в течение двух суток. В последние сутки сижу в кабине машиниста агрегата. Записываю все параметры работы. Машинисты посменно меняются. А я сижу и наблюдаю. Спать совсем не хочется. И вот под утро из скважины начала поступать желтая жидкость, в течение дня она начала буреть. Потом по конструкции устья скважины пошли мощные гидравлические удары. Шли т.н. «газовые оторочки». Мастер бригады ремонтников подбежал ко мне и кричит:

- Я сейчас закрою скважину аварийным превентором.

Я ему:

-Нет. Руководжу работой я. Мне полномочия дал ваш главный инженер.

Я, конечно, загнул. Потом гидравлические удары стихли и пошла нефть. Я уже долго не спал, но надо замерить дебит нефти, еще пол-суток без сна. И вот, скважина дает восемьдесят два куба нефти в сутки вместо шести кубов до обработки!!! Я был счастлив от полученного результата. Читатель простит меня за долгий и подробный рассказ об этом. Но это были звездные дни в моей научной деятельности. А звание «Заслуженного...» мне присвоили за большой вклад в развитие экономики республики. Перед присвоением этого звания меня наградили Почетной грамотой Премьера, где и был отмечен этот вклад.

Г.Ш. - Вот ты сказал, что по твоим разработкам дополнительно добыто более двадцати миллионов тонн нефти! Наверное, государство тебя не забыло.

Ю.Б. - Все мои разработки запатентованы. Всего патентов на изобретение у меня двадцать восемь. Но разработанных технологий меньше, ибо некоторые из них основаны на нескольких изобретениях. Все технологии использовались согласно лицензионных договоров по патентам, и нефтяные компании выплачивали по ним вознаграждение, исходя от полученного эффекта. Скажу прямо – они были достойными. Ряд технологий применяется до сих пор.

Г.Ш. – Юра, несколько специфических вопросов о попутном газе. Газ дорогой, а факелы горят?! Помню пожар на Севере у скважины, который бушевал четыре года? Сейчас мало кто не интересуется ценами на нефть. У всех на устах «баррель». Насколько я помню, когда работал у нефтяников, добыча нефти у нас в стране оценивалась в тоннах. Откуда появилась эта мера?

Ю.Б. - Сперва о газе. Да газ всегда идет попутно с нефтью. Его надо поджечь. Это спецы делают стрельбой из пушки. Теперь факелы уже не горят, т.к. выросла отрасль и технологии. Ни для кого не секрет – на нефти замешана вся политика в отношении нашей страны. Баррель – это 159 литров нефти. У нас в стране добыча нефти оценивалась традиционно в тоннах. А на основных нефтяных биржах все оценивается в баррелях. Вы, наверное, не поверите – в конце шестидесятых – начале семидесятых нефть стоила всего 3-4 доллара за баррель, а в начале 2014 года она достигла 130 долларов! Какова степень девальвации доллара за сорок с небольшим лет. А что сейчас происходит с нефтью, вы прекрасно понимаете.

В С игулде в гостях у Рудиса Аболса. Август 2013 г. Рядом Саша Глушко и Гунар Дукште.

Г.Ш. - Вот поговорили мы с тобой долго, а об ориентировании почти ничего и не сказали. Как ты ушел из ориентирования в начале восьмидесятых, так мы с тобой больше тридцати лет не виделись и не общались.

Ю.Б. - Да, это так. Когда я начал работать над своей книгой, решил, что без общения с Шуром моя книга будет неполноценной. Раздобыл ваш телефон. Звоню: «Хаерле кич» (добрый вечер). Слышу в ответ по-татарски: «Исем ессез» (здоровствуй). Вы мой голос сразу же узнали. Это было три года тому назад. А сейчас мы общаемся чуть ли не каждую неделю. И как я был рад встретить вас два с половиной года тому назад в Москве, на праздновании 50-летия отечественного ориентирования. Не виделись с 1980 г. Обнимаю вас и вижу такого же крепкого, жизнерадостного Шура! Нет, виделись мы мимоходом в 2000 году на ветеранских соревнованиях в Марий-Эл. Мы с ребятами: Юра Безмянный, Коля Баранчиков, Шамиль Исламов, Сережа Егоршин, по моему, был еще Волович. А вы в это время проводили совещание по ветеранским вопросам с В. Сафроновым. Вы подошли, и мы пообщались буквально минут десять. А нам надо было ехать – мы как раз семьей собрались в этот день после обеда вылететь в Дюссельдорф, где жила сестра жены.

Г.Ш. - Да, ты молодец, что организовал в 2014 г. в Казани соревнования «Памяти Р.К. Валетдинова». Мы, ветераны отечественного ориентирования, были почетными гостями на них. А давай немного об ориентировании, о котором мы с тобой и не говорили толком.

Ю.Б. - А что говорить? Все было сказано в свое время. А сейчас и не прибавить, и не убавить. Да, были упущенные моменты: Союз в Свердловске в 1972 г., Казань 1974 г. – лидировал, но упустил победы в самом конце. В ориентировании ведь дистанция заканчивается только на финишной прямой. Потом Ленинград 1975 г., зимний Союз, где мне дос-

тался восьмой номер, а старт давали в три часа после обеда. И последние номера по морозцу понесли. А ведь проиграл-то первому меньше минуты. Ну, что тут поделаешь. Четвертое место – тоже неплохо.

Г.Ш. - Назови мне несколько самых ярких твоих впечатлений в твоём ориентировании.

Ю.Б. - Назову только один момент. Это было в конце июля 1971 года. Мой победный финиш на матче «СССР–Болгария» в эстафете. Это был счастливый день в моем ориентировании, когда я почувствовал, что могу сражаться на поприще отечественного ориентирования за самые высокие места.

Г.Ш. - Насколько я знаю, ты уже пять лет как не работаешь. Чем сейчас занимаешься, каковы твои хобби?

Ю.Б. - У меня хобби несколько. Заниматься садом я начал в 1981 году, около двадцати лет занимаюсь охотой и рыбалкой. А в последние десять лет увлекся ландшафтным дизайном на даче – она у меня прямо на берегу Волги. Но, всё-таки, самые увлекательные занятия для меня: охота и зимняя подледная рыбалка. Я всегда смотрю с почтительностью на чучело глухаря в моем охотничьем уголке дома. И утверждаешь в себе – как охотник-любитель ты состоялся.

Г.Ш. - Я знаю, что у тебя две дочери. Помню, как вы с супругой возили старшую с собой на всевозможные соревнования. Но они, по моему, спортом так и не занялись, кстати, как и мои дети.

Ю.Б. - Нет, они спортом не занялись. Мы и не настаивали. Обе закончили музыкальную школу. Старшая, Марина, живет в Кёльне, в Германии. А младшая, Лена, рядом, в восьмистах метрах от нас. Она медик – эндокринолог, кандидат наук. При встречах, бывает, сядет за фортепиано и сыграет мой любимый вальс Евгения Доги из фильма «Мой нежный и ласковый зверь», и так хочется закружиться в вихре вальса, в вихре жизни...

